

СРЕДИ КНИГ

ВТОРАЯ книга записок Евгения Долматовского «Было» начинается с раздела, можно сказать, «незапланированного». В старинном сундуке, куда никто давно уже не заглядывал, обнаружались письма, дневники, газетные вырезки. «Сундук моей матери» — так и назван этот раздел. Семейные реликвии, сбереженные материнской заботой, поэт и предлагает широкому читателю.

Делает он это с полным основанием. Частные детали, воспроизводимые здесь, естественно вписываются в тот публицистический рассказ о времени, что начат Е. Долматовским в первой книге «Было». Письма отца поэта, его заметки о жизни русского революционного студенчества в Германии, публиковавшиеся ростовскими газетами начала века, выдержки из самодельных журналов, выпускавшихся в двадцать пятом году пионерами одной из школ Хамовнического района Москвы, записки о приеме в комсомол — все это подробности не просто личного, но общественного бытия. Наравне, скажем, с нежданно обнаруженными записями, где с юношеской непосредственностью фиксируются впечатления о личности Маяковского (эти записки сегодня дали возможность автору «Было» для новых размышлений о великом поэте, продолжающих ранее высказанное). Наравне и со страницами старого дневника, рассказывающими о работе на Метрострое, о посещении метростроевцев Юрием Олешей. Ну, а дальше — время, когда судьба каждого советского человека всецело сплелась с судьбой Родины, — время Великой Отечественной войны. Старые фронтовые записки — и воспроизведенные первоначально, и обильно прокомментированные, а подчас и преобразованные в лирические новеллы — занимают в книге значительное место, по ходу ее развития оформляясь в большой раздел.

Читая записки поэта, как бы проходишь заново дорогами его стихов. Не только в том смысле, что узнаешь обстоятельства написания многих из них (особенно примечательны истории популярных в народе песен на слова Долматовского, о чем поведано еще в первом томе). Главное — воссоздается характер творческого поиска, его атмосфера, становятся отчетливо видны биографические, событийные корни гражданской целеустремленности, отличающей творчество поэта, саму природу его лирического дарования.

Поэтическая судьба Е. Долматовского складывалась счастливо — он стал печататься еще юношей, легко вошел в творческую среду, не раз испытывал поддержку и помощь со стороны видных мастеров. И что любопытно: в автобиографическом рассказе о тех далеких временах нет или поч-

ти нет признаков, которые говорили бы о негативном воздействии ранней профессионализации. Разумеется, дело тут было в серьезности, ответственности молодого поэта. Но в не меньшей, наверное, степени — в облике литературного поколения, щедро наделенного политическим темпераментом, горячей жаждой участия в делах страны. Метрострой для Долматовского — своеобразная точка отсчета. Не столь уж и долг рабочий стаж поэта, но разве не был он продолжением горячих детковских, пионерских, комсомольских дел и разве в свою очередь не стали его продолжением с честью испол-

«С САМОГО НАЧАЛА СОВЕТСКИЕ»

Евг. Долматовский. «Было». Записки поэта. Книга вторая. Издательство «Советский писатель», М. 1979.

ненные обязанности фронтового корреспондента? И так — десятилетия творческой работы, прямо и непосредственно отзвучившей на главные события в жизни страны и мира. Хорошо помню остроту, историчность стихов о современности, публиковавшихся Долматовским в середине шестидесятых годов. В минувшем десятилетии обратили на себя внимание произведения, посвященные интернациональной теме, составившие большую часть таких сборников, как «Прошу слова» и «Надежды, тревоги...». Это и стихи о трудных судьбах Греции, и поэмы «Руки Гевары», «Чили в сердце», и цикл, вдохновленный поездкой в освобождавшуюся от тирании Португалию — одной из многочисленных зарубежных поездок поэта.

В первой книге «Было» автор вспоминал наставление, высказанное Маяковским стихотворцам-школьникам, явившимся к нему со своими сочинениями: писать о повседневной, реальной жизни, помнить, что они «новые люди, таких еще на земле не было», «с самого начала советские». Знаменательные слова, выражающие идею советского исторического перворядства, можно считать смысловым стержнем всего разнообразного мемуарного, документального, литературно-публицистического материала, собранного в обеих этих книгах Е. Долматовского. В событиях исторического значения и в житейских случаях, в судьбах коллег-писателей, в войн, жителей наших городов и сел, в зарубежных впечатлениях подчеркнута все то, что свидетельствует в высоту со-

циалистического миропонимания, о духовной красоте человека.

Самое время, стечение обстоятельств, случаются, помогают поэту в этом его поиске. Очень необычный и красноречивый тому пример находим мы в главе «Два дневника в одной записной книжке». В 1944 году Е. Долматовский использовал для дневниковых записей трофейный блокнот, частично заполненный прежним хозяином, немецким офицером. Разбирать, переводить текст не стал — сделал это тридцать с лишним лет спустя. И вот забытый было блокнот заговорил — заговорил с такой силой убедительности, какая бывает присуща лишь подлинному человеческому документу. Писатель публикует «двойной» дневник почти без комментариев — «именно как сочетание, как столкновение немецкого 1943-го и моего 1944 годов. Если уж воспроизводить записи, то именно в та-

ких, подчас неожиданных проявлениях очерчена сложная фигура Эренбурга, пронзительно личная интонация отличает воспоминания о Ярославе Смелякове, дружба с которым началась еще в тридцатом году. О поэтах, естественно, говорится особенно заинтересованно. К рассказам о Багрицком, Луговском, Светлове, вошедшим в первую книгу, ныне добавились содержательные рассказы об Исаковском, Твардовском, да и многие другие поэтические характеры возникают на разных страницах воспоминаний. И вновь — размышления о песне, о ее сложных, глубоко человеческих, а отнюдь не только «развлекательных» функциях («настоящая русская веселая песня — такая штука непростая»).

В связи с проблемами песенного творчества любительный очерк об Алексее Фатьянове: в нем живые, обаятельные черты облика писателя, соображения об «изысканно-точной поэтике» песни, об органичности таланта, о том, что в произведениях Фатьянова «столкнулись и слились два потока российского фольклора», городской и деревенский. Есть здесь и спорное — скажем, желая подчеркнуть профессиональное мастерство Фатьянова, Долматовский говорит, что тот «умел обратиться к приемам переживания». Вряд ли это удачно сказано: ведь для автора воспоминаний Фатьянов — образец песенной ответственности... Впрочем, спорно звучащее, субъективное случается и в ряде других случаев (в частности, в интересной работе «Друг мой — Большой читатель», представляющей собой комментарии к писательской почте). Но могут ли без этого обойтись записки поэта?

В заключение остановлюсь на одном эпизоде, немало, на мой взгляд, говорящем о характере литературных мемуаров Е. Долматовского да и всего двухтомника «Было». Эпизод этот из очерка о Всеволоде Вишневском, написанного с восхищением перед ярким, своеобразным писателем и человеком. Долматовский приводит текст письма Вишневского, датированного июлем сорок пятого года и посвященного тому, как следует писать о Победе, о поверженной Германии — избегая однолинейности, «перенакаленного пафоса», следуя «правде, которую мы видели и пережили». Письмо глубокое, мудрое. И — едкое, поскольку в нем нещадно критикуются первые послевоенные стихи одного поэта. Так вот, поэтом этим был сам Евгений Долматовский. Публикуя письмо, он признается, что отнюдь не испытывает удовольствия от такой критики в свой адрес. «Но сквозь строки письма виден Вишневский — ради этого стоит «принести себя в жертву».

Упомяну об этом, чтобы подчеркнуть искренность разговора, который ведет поэт. Несомненно, здесь — одна из «разгадок» творческого постоянства Е. Долматовского, его верности своей теме, своим идеалам, своим героям. Искренность и верность — понятия одного ряда, они продолжают, проникают друг друга...

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ